

1998

За рубежом. — 1998. — 29 мая — 4 июня (№ 20). — С. 15

КИНОРЕЖИССЕР, рискнувший поставить «Одиссею» Гомера на телевидении, сегодня вынашивает уже другой эпический проект: повествование о жизни американского писателя и мыслителя Генри Дэвида Торо.

«Торо очень мне нравится, — говорит российский режиссер Андрей Кончаловский, прославившийся в Советском Союзе фильмом «Сибиряда» в 1979 году. — Он был просто хорошим малым, первым битником и великим поэтом».

Даже после проведенных в Западе почти двух десятилетий Кончаловский все еще рассматривает кинематограф сквозь призму культурной российской интеллигенции: Жизнь его — замечательное путешествие с юности, как сына главы союза российских писателей, и до блестящей карьеры в Голливуде. Он вернулся работать на родину, где также снимает фильмы его знаменитый брат Никита Михалков, режиссер такой, например, прогремевшей ленты, как «Утомленные солнцем».

Кончаловский рассказывает, что открыл для себя Торо, читая Льва Толстого, который им восхищался. Режиссер видит кинобиографию Торо как романтическую чеховскую комедию с «забавными характеристиками, разговорами и мечтами».

Он бегло говорит по-английски и по-французски, и после 17 лет, проведенных в Голливуде, где поставил несколько фильмов на главных киностудиях, он также сведущ в голливудских реалиях.

«Это будет некое сочетание «Мира по Гарпу» и «Форреста Гампа», — живо поясняет он. — В роли Торо я хотел бы видеть Робина Уильямса или Тома Хэнкса».

В конце прошлого года кинообщество центра Линкольна в Нью-Йорке провело месячную ретроспективу фильмов Кончаловско-

го, открывшуюся картиной «Дядя Ваня», сделанной еще в Советском Союзе в 1971 году, и лентой «Поезд-беглец», снятой уже в Америке в жанре «экшн» в 1985 году. Но режиссер не склонен вспоминать о своем прошлом.

«Надеюсь, телесериал «Одиссея» даст мне карт-бланш для реализации новых проектов, — говорит он. — Для меня успех — это возможность делать следующий фильм».

Кончаловский, которому недавно исполнилось 60 лет, являет собой странное сочетание славянской души и энергии западного шоу-бизнеса. Дипломированный классический пианист, начавший свою

Одиссея Андрея Кончаловского

карьеру не-большими лирическими фильмами со скрытым подтекстом — его «Ася Клячина», снятая в 1965 году, находилась под запретом советских властей до 1988 года — он прославился «Сибирядой», эпической драмой о жизни в российской глубинке, а затем эмигрировал на Запад, чтобы продолжить свою карьеру уже в Голливуде.

По-мальчишески обаятельный, умища и космополит, он с одинаковым успехом рассуждает как о Спайке Ли, так и о Данте. Со стороны иногда кажется, что Кончаловский временами попадает в капкан противоречивых культур. Его попытки делать дорогостоящие боевики потерпели неудачу: свой фильм 1989 года «Танго и Кэш» с Сильвестром Сталлоне он

оценивает как «скромный опыт».

В 1992 году режиссер пытался вернуться к своим российским корням, решив познакомить американского зрителя со сталинским террором, сняв фильм «Ближний круг», рассказывающий о кремлевском киномеханике Сталина, которого сыграл Том Хальс. Но эта картина не имела коммерческого успеха.

Вернувшись в Москву, он вновь намеревается снимать российские фильмы. Однако его попытку истолковать в сатирической форме крутые перемены и крах коммунизма в ленте «Курочка ряба» встретили в штыки российские критики и проигнорировали зрители.

«Россияне не любят, когда кто-нибудь говорит об их прегрешениях, — объясняет он. — Никому ведь не нравится выслушивать правду о самих себе».

Его карьера вновь пошла в гору благодаря неожиданному коммерческому и публичному успеху мини-сериала Энби-си «Одиссея» с Армандом Ассанте в главной роли, в котором Кончаловский выступил не только в качестве режиссера, но и одного из авторов сценария. В этом же году он получил «Эмми» за режиссерскую работу в «Одиссее», но на церемонии вручения премии не присутствовал, так как его убедили в том, что награду получит Кристофер Рив за свой фильм «Сумерки».

Теперь, после «Эмми», Кончаловский говорит, что его судьба переменялась. Кроме биографии Торо, он еще надеется сделать фильм по мотивам «Шелкунчика».

Режиссер хочет сохранить музыку Чайковского, а сюжет и зрительный ряд приспособить для сегодняшней аудитории, воспользовавшись персонажами из комиксов Марвелы.

Завоевав телевидение, Кончаловский явно стремится к такому же успеху и на большом экране. Его версия «Шелкунчика» будет иметь мало общего со сладенькими детскими сказочками. Предельно стилизованный вариант «Шелкунчика» будет основан на таких эффектах, как летучие мыши на мотоциклах и мерзкие злоеющие крысы, похожие на нацистов.

Кончаловский не чурается массовой культуры, хотя, конечно, рожден не для нее. По своему происхождению он относится к самым знатным русским семействам, и как это ни странно, но именно его семья перекинула мостик из аристократических салонов дореволюционной империи

на государственные дачи советской номенклатуры.

Его мать, принадлежащая к дворянству, была правнучкой художника Василия Сурикова. Один из его дядей погиб в ГУЛАГе. Но его отец Сергей Михалков, знаменитый поэт, написал текст для государственного гимна Советского Союза. Кончаловский вырос в привилегированной атмосфере «золотой» советской молодежи.

В отличие от своего брата Никиты Кончаловский взял девичью фамилию матери — из профессиональных соображений. По темпераменту и художественным пристрастиям оба брата абсолютно не схожи. Михалков — славянофил и монархист. Он снимает сугубо русские фильмы. Большинство из них, включая фильм о сталинских репрессиях, «Утомленные солнцем», населены тонкими лирическими персонажами, позаимствованными у Чехова. Никита презирает Голливуд.

По словам Кончаловского, у него и брата разные взгляды в части эстетики, но в личном плане они очень близки. «Мы с любовью наблюдаем друг за другом», — говорит он.

Кончаловский с отчаянием говорит о русской киноиндустрии, которой ничего не остается делать, как встать на мертвый якорь из-за отсутствия финансирования, развала системы проката и потери зрителей. Почти такого же пессимистического мнения он и о голливудской системе. Единственный выбор сегодня, по его словам, — делать недорогие картины в независимых студиях или 100-миллионные блокбастеры, в которых для режиссеров исключены свобода и творческий поиск.

«Но каждый мечтает сделать такой блокбастер, — говорит он. — Я тоже хочу сделать один, с тем чтобы последующие фильмы делать лишь для себя».

«Интернэшнл геральд трибюн», Париж.

Кончаловский Андрей

97